

М. М. Бенцианов

«ИЗ КНЯЖЕНЕЦКИХ И ИЗ БОЯРСКИХ ДВОРОВ СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ». ПОСЛУЖИЛЬЦЫ СРЕДИ НОВГОРОДСКИХ ПОМЕЩИКОВ В КОНЦЕ XV – НАЧАЛЕ XVI в.

Широко представленная в исторической литературе, так называемая, «Поганая книга» представляет собой выписки из писцовой книги Водской пятины рубежа XV–XVI столетий письма Д. В. Китаева, а также основанный на них, перечень фамилий новгородских помещиков «кто чей бывал послуживец». Два этих документа, которые в ряде случаев существенно отличались по своему содержанию, были сопровождены преамбулой о роспуске дворов московских и новгородских бояр: «Лета 6991 апреля в 8 день как Бог поручил великому князю Ивану Даниловичю Московскому под ево богохранимую державу Великий Новгород и по ево государеву изволенью разпущены из княженецких и из боярских дворов служилые люди»¹.

Трудно переоценить значение этого источника в формировании устойчивого пренебрежительного отношения дворянской среды в отношении фамилий, связанных с Новгородской землей. В. Н. Вернадский приводил яркий пример из известного сочинения А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», где защитник «Родословца» негативно отзывался об отмене местничества: «Сие строгое законоположение поставило многие честные княжеские и царские роды наравне с новгородским дворянством». Этот пример свидетельствует о сохранении отголосков подобного восприятия новгородцев еще в конце XVIII в. При создании родословных росписей многие новгородские дворяне вынуждены были оправдываться, защищая свое благородное происхождение. Так Вышеславцевы сочли необходимым подчеркнуть, что «переведены служить в Великий Новгород и во Псков и в Бежецкой Верх и в Мещеру многие *честные* роды и наш род»².

---

¹ Дела Тайного приказа. Т. 2 // Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. 22. Ст. 30–31.

² *Вернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 326; *Лихачев Н. П., Мятлев Н. В.* Тысячная книга 7059 г. Орел, 1911. С. 86–87.

Не меньшее влияние оказал этот источник на историографию вопроса о социальном составе новгородских помещиков и, в более широком контексте, вопроса становления дворянства как сословия. «Людям» (послужильцам) новгородских и московских бояр, получившим поместья в Новгородской земле в конце XV – начале XVI вв., в исторической литературе уделялось значительное внимание, большая часть которого, в соответствии с традициями Поганой книги, была сосредоточена на констатации их худородного, «холопьего» происхождения³.

Неоднократно отмечались несообразности известия Поганой книги: неправильное употребление отчества Ивана III, употребление в ряде списков в отношении великого князя странного эпитета «дородный», несоответствия стилистики документа принятой в конце XV в. делопроизводственной практике. Большинство историков, тем не менее, не подвергало сомнению сам факт следов конфликтов государя всея Руси и его ближайшего окружения, получивших отражение в этом источнике.

С. Б. Веселовский, основываясь на неверной датировке завещания В. Б. Тучко Морозова – 1481 г., считал, что роспуск дворов стал следствием столкновения «крупной боярской партии» с великим князем в связи с придворной борьбой, развернувшейся в 1480 г. во время стояния на Угре. Это предположение имеет несколько слабых мест. Г. В. Абрамович справедливо отметил, что один из «людей» И. И. Салтыка Травина И. Черныш Уваров Санин, позднее ставший помещиком, упоминался в его Духовной грамоте, составленной в 1483 г., после пресловутого указа о роспуске боярских дворов. Очевидно различное время предоставления поместий «людям» представителей московской аристократии в Новгородской земле. Послужильцы князей И. Ю. Патрикеева и С. И. Рязанского были приписаны к основному тексту писцовой книги, то есть, получили свои земли на рубеже XV–XVI столетий, спустя почти два десятилетия после предполагаемого роспуска дворов своих господ. Уместно предположить, что их появление здесь было связано с действительной, а не мнимой опалой, постигшей этих вельмож в 1499 г. К слову, позднее С. Б. Веселовский склонялся к мнению о одновременности опал, хотя и продолжал признавать их очевидность⁴.

К. В. Базилиевич полагал, что испомещение послужильцев не могло быть произведено в одно время. По его мнению, появление некоторых из них в Новгородской земле могло быть связано с первой писцовой переписью, проводившейся в начале 1480-х гг., сразу после присоеди-

---

³ Обзор дореволюционной историографии о социальном происхождении послужильцев сделан К. В. Базилиевичем: *Базилиевич К. В.* Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в. // Исторические записки. М., 1945. Кн. 14. С. 66–68.

⁴ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 156–158; *Абрамович Г. В.* Поганая писцовая книга // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. 9. С. 192; *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 227.

нения Великого Новгорода. Указ Ивана III, точнее несколько указов (что объясняло расхождения в датах списков Поганой книги), о роспуске дворов был направлен против новгородских бояр, а также против «ряда московских титулованных и нетитулованных бояр и вольных слуг, попавших под опалу великого князя». Характерна неопределенность этого круга лиц. При рассмотрении персоналий этих «бояр и слуг вольных» К. В. Базилевичу несколько раз приходилось делать весьма спорные предположения о причинах возможных опал. Из летописных источников известен факт «поимания» братьев И. и В. Б. Тучков Морозовых, который, правда, произошел в 1485, а не в 1483 г. Для других лиц свидетельством опалы выступало «прекращение сведений об их деятельности». В случае с А. К. Шереметом Беззубцевым указанием на его опалу являлось (*sic!*) ипомещение большого числа его послужильцев⁵.

Несколько раз обращался к теме послужильцев Г. В. Абрамович. В рамках коллективной монографии «Аграрная история Северо-Запада России», где им была написана глава о писцовых книгах, он, вслед за Д. Я. Самоквасовым, обосновывал тезис о двойном описании Водской пятины писцом Д. В. Китаевым. Начало первого описания должно было быть отнесено к 1478–1482 гг. В качестве доказательства приводился пример безымянного Хомутова, названного в качестве прежнего владельца поместья, пожалованного в 1482 гг. братьям Трусовым Воробьиным. Хомутовы же были «людьми» В. Б. Тучко Морозова. Предложенная версия о двойном описании Водской пятины, осуществленном Д. В. Китаевым, не находит, однако, подтверждения в источниках⁶.

Сам Г. В. Абрамович отказался от этой версии в своей докторской диссертации, отметив, что большая часть земель, которые были переданы послужильцам, была конфискована лишь во второй половине 1480-х гг. Указанного Хомутова он рассматривал в этом случае уже как полноценного сына боярского, однофамильца «людей» В. Б. Тучко Морозова⁷.

В специальном исследовании о Поганой книге он предположил, что в 1483 г. было издано 2 указа (8 апреля и 17 июля). Первый затрагивал «людей» новгородских бояр, составивших впоследствии гарнизон

---

⁵ Базилевич К. В. Новгородские помещики // Исторические записки. М., 1945. Кн. 14. С. 65–66, 70–71.

⁶ Аграрная и социальная история Северо-Запада России: Вторая половина XV – начало XVI в.: Новгородские пятины. Л., 1971. Т. 1. С. 13; Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Т. 1. Отд. 2. С. 104–105; Баранов К. В. Новые сведения о первых писцовых описаниях Новгородской земли // Очерки феодальной России. М., 2000. Вып. 4. С. 90–91.

⁷ Абрамович Г. В. Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в.: дис. ... д-ра. ист. наук. Л., 1975. С. 44.

Ивангорода, второй – послужильцев братьев Тучков Морозовых и, возможно, А. К. Шеремета⁸.

Среди ивангородцев были представлены «люди» новгородских бояр, подвергшихся репрессиям в разное время, как до, так и после 1483 г. Б. В. Есипов и И. И. Лошинский были «поиманы» Иваном III еще в 1476 г., до присоединения Новгорода, а Марфа Исакова (Борецкая) – сразу после этого события. Г. М. Тучин, с другой стороны, присутствовал среди новгородских бояр при подписании договора с Ливонским Орденом в 1493 г.⁹

Стоит отметить, что причины роспуска дворов остальных лиц из числа представителей московской знати были обойдены Г. В. Абрамовичем молчанием, которое было не случайным.

За исключением примеров братьев Тучков Морозовых (опала в 1485 г.), а также князей И. Ю. Патрикеева и С. И. Ряполовского (1499 г.), источники не содержат упоминаний о конфликтах лиц, фигурировавших в писцовой книге Водской пятины и, соответственно, в Поганой книге, с великокняжеской властью. Некоторые из них занимали ведущие позиции при дворе Ивана III. Новгородским дворецким и, вероятно, боярином в 1495 г. был М. Я. Русалка Филимонов. Не замечены в «шатости» были В. Ф. Образец Симский, И. В. Ощера, И. И. Салтык Травин и князь Я. В. Оболенский. Прекращение сведений об их деятельности связано было, скорее всего, с их смертями. В 1487 г. умер князь Я. В. Оболенский. До марта 1493 г. скончался И. В. Ощера. Весьма преклонным возрастом отличался в середине 1490-х гг. тот же М. Я. Русалка. Первое упоминание о нем относится к 1446 г., когда он находился в группе детей боярских, составивших заговор «как бы князя великого (Василия Темного. – М. Б.) выняти». Новгородские владения М. Я. Русалки в первые годы XVI в. перешли к его младшим родственникам Чеглоковым-Филимоновым¹⁰.

В том же заговоре 1446 г. принимал участие И. Д. Руно, сведения о котором исчезают после 1478 г. Неизвестным персонажем был А. К. Шеремет Беззубцев, основатель хорошо известной впоследствии боярской фамилии. Несмотря на свое знатное происхождение и близкое родство с боярами Я. и Ю. З. Кошкиными, он не оставил сведений о своей деятельности. Судить о нем приходится на основании данных,

---

⁸ *Абрамович Г. В.* Поганая писцовая книга. С. 188–190. Из контекста статьи также «людей» И. Ф. или И. И. Молодого Товарковых.

⁹ *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля. С. 315–321; *Бенцианов М. М.* Формирование поместной системы в Новгородской земле в конце XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (59). 2015. С. 39.

¹⁰ *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 50, 215, 242. В росписи Филимоновых у Я. К. Жоста было показано два сына с одинаковым именем Михаил «от Русалки». Не исключено, что сведения о братьях были объединены.

относящихся к другим членам его семьи. Отец и младший брат А. К. Шеремета находились на службе у князя Андрея Углицкого. Вероятно, и сам он служил этому удельному князю¹¹.

Трудно понять, о ком из князей Шаховских шла речь при упоминании Дмитриевых, помещиков Деревской пятины «служили Шаховскому». Так же не удастся точно идентифицировать И. Товаркова, если информация об испомещении его «человека» И. В. Огибалова, встречающаяся в ряде списков Поганой книги (возможно ошибочное написание фамилии), является верной¹².

Очевидно, что «ропуск» дворов происходил в разное время и не во всех случаях был обусловлен конфликтами мнимых опальных с великокняжеской властью. Далеко не всегда боярские дворы прекращали свое существование после опал. В Духовной В. Б. Тучко Морозова, явленной в 1497 г. и содержащей упоминание о великокняжеской опале, перечисляются десятки «людей», оставшихся на его службе. Некоторые из них были вероятными родственниками новгородским помещикам, находившихся прежде на его службе (Сысойко Шишка и его брат Б. Ф. Сухой Овцыны и помещики М. Ягныш, И. Лыско, К. Малыш Барановы-Овцыны)¹³.

Не исключен также вариант отпуска на волю некоторых «людей» при жизни их господ. Среди помещиков Деревской пятины числились братья К. и С. В. Ватазины «Семеновские Брюхова». Сам С. Б. Брюхо Морозов, младший брат И. и В. Б. Тучков Морозовых, продолжал свою службу еще в первом десятилетии XVI в. В отличие от старших братьев, он не пострадал в опале 1485 г. В 1486 г. «боярин» С. Б. Брюхо был отправлен с посольством в Крым. Упоминания его послужильцев имеют единичный характер. С. В. Ватазин в писцовой книге был обозначен как «холопов брат», то есть, по мнению ее составителей, холопом уже не являлся¹⁴.

Поганая книга была составлена в местнических целях на основании выписок из писцовой книги Д. В. Китаева. Часть сделанных в ней

---

¹¹ *Веселовский С. Б.* Исследования. С. 156–158; *Зимин А. А.* Формирование. С. 188–189. Косвенно это предположение подтверждается службой ему бежецких землевладельцев Жуковых Нелединских и Ф. М. Досадина.

¹² Новгородские писцовые книги (далее – НПК). СПб., 1859. Т. 1. Ст. 869; Архив СПбИИ РАН. Русская секция. Оп. 1. Кол. 1. Кн. 14. Л. 3; *Абрамович Г. В.* Поганая писцовая книга. С. 183–184. В 1480–1490-е гг. действовали четверо Товарковых с одним и тем же именем: И. Ф. Ус, его сын И. Товарок, брат И. Сухой и племянник И. Булыга Товарковы. И. Ф. Товарков, лучше всего подходящий на эту роль, скорее всего, умер до 1486 г., когда его «держание» – село Кудрино митрополичьего Новинского монастыря было передано И. В. Ощере.

¹³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (далее – АСЭИ). М., 1952. Т. 1. № 612. С. 523. Есип Овцын был известен как владелец холопа в Костромском уезде.

¹⁴ НПК. Т. 1. Ст. 124, 474–475; *Зимин А. А.* Формирование. С. 240.

интерпретаций появилась из-за неправильных прочтений этого источника. Показателен пример М. Г. Бирилева. При раздаче дворцовых земель Водской пятины новые помещики перечислялись целыми группами. В волости Коложицы в составе такой группы были бесфамильный Зеленья и его дети, М. Г. Бирилев с сыновьями, а также И. Бетюк и А. С. Албычевы «княжо Семеновские Ряполовского». Все эти лица в перечне Поганой книги (Зеленины, Бирюлевы, Битяговы, Албучевы) были причислены к послужильцам князя С. И. Ряполовского. Между тем, М. Г. Бирилев не был связан с ним. Именно он, вероятно, в начале 1480-х гг. был тиуном князя Ивана Молодого в Галицком уезде. Позднее М. Бирилев «обояривал» земли в Вологодском уезде, которые затем покинул в связи с переселением в Новгородскую землю. В вологодских писцовых книгах была сделана помета: «а оттуды на поместье съехал в Новгород». В соседней Устюжне поместья позднее принадлежали другим представителям Бирилевых¹⁵. Его соседа Зеленью можно отождествить с другим Зеленьей, фигурировавшим в завещании князя И. Ю. Патрикеева, который отпущался на свободу «с женою и с детми и с землею»¹⁶.

Отмеченная особенность текста писцовой книги в дальнейшем стала причиной ошибочных заключений, повторенных вслед за авторами Поганой книги современными историками. Г. В. Абрамович считал послужильцами князя И. Ю. Патрикеева Скобельцыных. В первые годы XVI в. Ю. Скобельцын числился первым в группе помещиков, получивших земли Б. Есипова в волости Новая буря. После него были названы М. Угримов Вралов и А. Ф. Шуйгин «княж Ивановские Юрьевичи». На самом деле Ю. И. Скобельцын был братом детей боярских Ф. и И. Собаки И. Скобельцыных, помещиков той же Водской пятины. В 1529/30 г. все они совершили семейный раздел вотчины в Дмитровском уезде. Стоит отметить, что И. Собаке его поместье досталось в ходе писцового описания, то есть, примерно в то же время, что и его младшему брату. В 1537 г. Ю. И. Скобельцын был отправлен в качестве посланника к императору Карлу V. Представители этой семьи числились в

---

¹⁵ Отрывки писцовой книги Водской пятины 1504–1505 гг. / изд. А. М. Гневнышев. Киев, 1908. С. 11; *Маштафаров А. В.* Вновь открытые монастырские акты // Русский дипломатарий (далее – РД). М., 1999. Вып. 4. С. 43; *Стрельников С. В.* Грамоты XV – начала XVI века из архива Кирилло-Белозерского монастыря // Грани русского средневековья: сб. ст. к 90-летию Юрия Георгиевича Алексева. М., 2016. С. 147; Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века (далее – АСЗ). М., 1997. Т. 1. № 26. С. 28. Бирилевы известны были также как белозерские вотчинники. Костя (Кассиан) Бирилев был посельским князя М. А. Верейского (АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 125. С. 76).

¹⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. (далее – ДДГ) М.; Л., 1950. № 86. С. 348.

Тысячной книге и в Дворовой тетради (их дмитровские родственники) среди дворовых детей боярских¹⁷.

Неправильная интерпретация текста писцовой книги Водской пятины в одном из списков Поганой книги стала причиной местнического спора С. Муравьева и С. Кашкарова в 1652–1653 гг. Последний «бранил матерны и родителей ево (С. Муравьева. – М. Б.) позорил, называл Пушциных и Муравьевых Олоповских князей послуживцы». Обращение к подлиннику писцовой книги показало, что «Пущины и Муравьевы написаны в Копорском уезде в Каргалском погосте Олоповскими, а не Олоповскими людьми». Село Олупово находилось неподалеку от Москвы. Олуповские неоднократно встречаются в поземельных актах Московского уезда. В одной из кабальных грамот 70-х гг. XV в. отмечен Е. В. Пуша Олуповский, приобретший себе холопа с докладом сделки наместнику трети московской. Позднее он вместе с сыновьями и младшими родственниками Муравьевыми перебрался на поместья в Водской пятине¹⁸.

Встречался в источниках также Аврам Андреев Сарыевский, «посадник» Поганой книги. Вместе с сыном Семеном он был назван в завещании А. М. Плещеева (составлено до 1491 г.). Еще одним его сыном был Василий Аврамьев. В середине 1480-х гг. он «с докладу» тому же А. М. Плещееву приобретал себе холопа в Переславском уезде. Позднее вся семья Сарыевских оказалась переселенной на поместья в Водскую пятину. Писцовая книга Д. В. Китаева застаёт здесь Василия и Кузьму Аврамовых Сарыевских, а также их племянников Безстужа, Ф. Тарусу и И. Шатюка Сенкиных. Как и в случае с Пушциными, все представители Сарыевских превратились в Поганой книге в их «людей»¹⁹.

Спорным является распространенное мнение о принадлежности к послужильцам О. Скрыбина Травина. При описании его поместья в писцовой книге была сделана помета: «у Шаблыки взято, а отдано Осифу Скрыбину Травина и Скрыбин сын постригся». Названный И. Шаблыка был «Салтыковским человеком», то есть находился прежде на службе у И. И. Салтыка Травина. По созвучию фамилии О. Скрыбина принимали

---

¹⁷ *Абрамович Г. В.* Поганая писцовая книга. С. 175; Отрывки писцовой книги Водской пятины 1504–1505 гг. С. 39; АСЗ. Т. 1. № 260. С. 234; НПК. СПб., 1868. Т. 3. Ст. 896; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. (далее – ТКДТ) М.; Л., 1950. С. 97, 132. О Скобельцыных см.: *Чернов С. З.* Землевладение волости Бели Радонежского удела // *Очерки феодальной России*. М., 2000. Вып. 4. С. 37–49.

¹⁸ *Баранов К. В.* Новые сведения. С. 93–96; *Голубцов И. А., Назаров В. Д.* Акты XV – начала XVI века // *Советские архивы*. 1970. № 5. С. 83; АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 398. С. 415.

¹⁹ АСЭИ. Т. 1. № 562. С. 439; *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 62, 148; АСЭИ. Т. 3. № 408. С. 420–421. Экзотическую версию происхождения Сарыевских высказал Г. В. Абрамович, считавший их разветвлением рода Шереметевых (*Абрамович Г. В.* Поганая писцовая книга. С. 181).

за одного из «послужильцев» Салтыка Травина. А. А. Зимин видел в нем, однако, родственника этого воеводы Ивана III, брата злосчастного Щавея Скрыбина, казненного в 1497 г. после заговора В. Гусева. Однозначно ответить на этот вопрос не представляется возможным. В родословных росписях имя Осипа отсутствует. Его появление здесь, с другой стороны, произошло в ходе писцового описания Водской пятины, не ранее конца 90-х гг. XV в.²⁰

Пресловутые указы Поганой книги относились к территории Водской пятины, хотя послужильцы московских и новгородских бояр присутствовали и в других пятинах. Г. В. Абрамович пытался объяснить это упущение немногочисленностью подобных примеров за пределами Водской пятины. Подобное предположение выглядит странно, принимая во внимание его мнение о том, что составители перечней Поганой книги использовали какие-то официальные документы. В Деревской пятине встречались поместья «Тучковских» В. Головы и Ф. Неклюда И. Подушкиных. В Обонежской пятине позднее с пометой «Шереметевские» фигурировали В. И. Шипинцов, а также И. и Л. С. Головины²¹.

Стоит учитывать разновременность проведения писцовых описаний и различные шаблоны, использовавшиеся писцами при создании писцовых книг. Описание Деревской пятины было закончено в 1499 г. Значительная часть слуг князей И. Ю. Патрикеева и С. И. Ряполовского появились здесь уже после ее составления. Прямые указания на службу князю С. И. Ряполовскому содержатся в приправочной книге 1550/51 г. при описании поместья И. О. Пятого и его детей, обозначенных как «княж Семеновские Ряполовского»²². Завещание князя И. Ю. Патрикеева показывает, что бывшими «людьми» этого вельможи был целый ряд помещиков Деревской пятины. В платежной книге 1543 г., основа которой была составлена в первое десятилетие XVI в., фигурировал Некрас Маланьин. С Микифором Истомой Ивашковым Баскакиным успешно сопоставляется Истома Иванов Бакакин. Поместьями здесь владели также Никон Чмут и его брат Савва Томило Анкудиновы (Никитины) Ачкасовы, Андрей Телехтемиров и Иван Васильев Мятива Шамшов²³.

Менее определенно можно говорить о связи других деревских помещиков с князем И. Ю. Патрикеевым, хотя в ряде случаев они кажутся вполне возможными. Одним из его ключников был, например, Григо-

²⁰ НПК. Т. 3. Ст. 812; *Зимин А. А.* Формирование. С. 232.

²¹ *Абрамович Г. В.* Поганая писцовая книга. С. 178; НПК. СПб., 1862. Т. 2. Ст. 113, 156; Писцовые книги Новгородской земли (далее – ПКНЗ). СПб., 1999. Т. 2. С. 31, 36, 78.

²² ПКНЗ. М., 2004. Т. 5. С. 122–126.

²³ ДДГ. № 86. С. 346–348; ПКНЗ. М., 2004. С. 351, 355, 488. В родстве с А. Телехтемировым находился, вероятно, помещик Шелонской пятины Измаил Телехтемиров. Некрас Маланьин и А. Телехтемиров в завещании князя И. Ю. Патрикеева фигурируют «с землями».

рий Панов. Поместье в Вельевском погосте принадлежало Андрею Григорьеву Панову. Подобные параллели возникают при сопоставлении имен Василия, Иванца и Захара Веригиных с Григорием Веригиным. Однофамильцами Парфена Иванова Башова, еще одного «человека» из этого документа, были помещики Башевы, а Фомы Армяка Васильева Чядуева – Василий Петров Чядуев²⁴.

Те же выводы можно сделать применительно к Бежецкой и Шелонской пятинам. В конце 30-х гг. XVI в. поместья в Бежецкой пятине принадлежали Узкому и Михаилу Васильевым Тонково Жиборовым сыновьям Василия Тонкого Жиборова. Сыном Василия Баранова, возможно, был Григорий Васильев Баранов²⁵.

В Шелонской пятине в это же время поместьями владели сыновья Алексея Васильева Палицына, а также Алексея Васильева Турова. Последним достались земли их дяди Григория Турова, который тоже был известен завещанию князя И. Ю. Патрикеева. Братом послужильцев был, видимо, также Булгак Тимофеев Пятин²⁶.

Однофамильцами «людей» князя И. Ю. Патрикеева были Прокофий, Леонтий Алексеевы и Чулок (если это не прозвище Леонтия) Ачкасовы, получившие поместья в первые годы XVI в.²⁷ Менее очевидна связь с этим «наивысшими воеводой» для Никиты и Леонтия Ивановых Вараксиных²⁸, Тимофея, Григория Губы и Молчана Семеновых Родичевых²⁹, а также для Шамшовых, позднее обосновавшихся в Бежецкой пятине.

Стоит учитывать неполноту данных по Шелонской, Бежецкой и, особенно, Обонежской пятинам, а также вполне вероятное отсутствие упоминаний о прежней службе (владельческой принадлежности) в сохранившихся писцовых описаниях.

---

²⁴ ДДГ. № 86. С. 348; ПКНЗ. Т. 4. С. 186–187, 343, 363. Другие Веригины, возможно, также имели отношение к этой семье. Духовная грамота князя И. Ю. Патрикеева знает В. Нечая Веригина. Предками новгородских помещиков были Истома и Некрас Веригины. Все эти прозвища находятся в одном смысловом ряду. Братьями П. И. Башева могли быть Плут, Петр и Иван Ворона Ивановы Башевы, а родственником также Михаил Башев.

²⁵ ДДГ. № 86. С. 345; НПК. СПб., 1910. Т. 6. Ст. 308, 311–312. В Деревской пятине известен был их однофамилец Митя (Микита) Жиборов. ПКНЗ. Т. 5. С. 35.

²⁶ ДДГ. № 86. С. 345–347; НПК. СПб., 1886. Т. 4. Ст. 260, 354, 464–466. А. Палицын в 1495/96 г. производил разезд земель князя И. Ю. Патрикеева с владениями митрополичьей кафедры (Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1951. Ч. 1. № 46а С. 60; № 50. С. 64). Рядом с поместьем его сыновей располагались земли Матвея Михайлова Палицына.

²⁷ НПК. Т. 3. Ст. 414.

²⁸ НПК. Т. 1. С. 773–776. Л. И. Вараксин владел поместьем к моменту начала писцового описания Деревской пятины 1495–96 гг. В завещании князя И. Ю. Патрикеева присутствовал Тимофей Никитин Вараксин.

²⁹ В завещании – Григорий Молчан Дмитриев Родичев.

По непонятным причинам в Поганой книге не были учтены «Ощеринские», среди которых в Водской пятине помещьем владел Афанасий Бокарь Григорьев Мечнянинов³⁰. Представители этой группы были известны также в Деревской (Данила Алексеев) и в Бежецкой (И. Страх и его брат В. Медведь) пятинах³¹.

За пределами Водской пятины в писцовых книгах встречаются группы послужильцев «Ивановские Петрова», «Васильевские Микитина», Дмитриевы «служили Шаховскому»³², Ватазины «Семеновские Брюхова», а также Я. Бунков «Ивановской человек Лошинского» и Я. Певцов «Ивановской человек Рунов»³³.

Все эти группы и отдельные лица были неизвестны Поганой книге, хотя позднее факт их испомещения также использовался в местнических целях. В составе одного из сборников XVII в., упомянутого К. В. Барановым, к Поганой книге были добавлены выписки из писцовых книг Деревской и Бежецкой пятин с именами бывших послужильцев³⁴. Составители этого сборника осознавали недостаточность данных Поганой книги и стремились дополнить ее сведениями из других источников.

Находившийся в составе Поганой книги конспект писцовой книги Водской пятины Д. В. Китаева, который, видимо, представлял собой первоначальную основу этого документа, не был ориентирован на отбор сведений о послужильцах. В нем было отмечено большое число имен полноценных детей боярских. Позднее этот конспект был значительно сокращен путем вычленения из него имен послужильцев (действительных и мнимых).

В ряде списков Поганой книги присутствуют сведения, которые не находят подтверждения не только в сохранившемся тексте писцовой книги, но и в позднейших описаниях Водской пятины. В списке из коллекции И. А. Шляпкина, например, в Спасском Городецком погосте упоминались «Кондрашко да Кирилко Васильевы дети Терпигорева Васильевские люди Тучкова». Описание этого погоста в писцовой книге Д. В. Китаева сохранилось в полном виде. Упомянутые лица в нем отсутствовали. В полном виде описание этого погоста дошло до нашего

---

³⁰ НПК. Т. 3. Ст. 750; Федор Григорьев Чебот Мечнянинов принадлежал к числу «Тучковских». В некоторых списках Поганой книги Федор Григорьев Голова Мечнянинов показан как «Салтановский Травина» (Архив СПбИИ РАН. Русская секция. Оп. 1. Кол. 1. Кн. 14. Л. 3).

³¹ НПК. Т. 1. Ст. 291; ПКНЗ. М., 1999. Т. 1. С. 217.

³² В платежной книге 1543 г. сыновья М. Пестрика Дмитриева были зафиксированы с пометой «Шаховского люди».

³³ В писцовой книге Водской пятины возле имени Л. В. Грезина Алексеева сделана странная приписка «Фоминских». Он, возможно, ранее служил кому-то из представителей фамилии Фоминских.

³⁴ Издания новгородских писцовых книг 1490-х гг. // ПКНЗ. Т. 1. С. 20.

времени и в писцовой книге конца 1530-х гг., однако, и здесь не обнаруживаются следы Терпигоревых. Представители этой фамилии действительно встречаются среди новгородских помещиков. Все они были испомещены в Шелонской пятине, где владели крупными компактно расположенными поместьями. Их потомок, Келарь Терпигорев в Тысячной книге был записан по дворовому списку³⁵. Отмеченное наблюдение заставляет с осторожностью относиться к «уникальным» сведениям Поганой книги, которые требуют подтверждения другими источниками.

Историческая ценность сведений Поганой книги, за исключением восполнения пробелов сохранившегося текста писцовой книги Д. В. Китаева, заключается в датированном сообщении о роспуске боярских дворов. Существование этого указа (нескольких указов), по видимому, было следствием вольной трактовки ее составителем действительно имевшего место испомещения ряда групп служилых людей, принадлежавших прежде новгородским боярам и представителям московской аристократии.

В родословных источниках часто фигурировали точные даты, которые задним числом сопровождали события из истории той или иной фамилии. В родословной князей Мышецких, например, приводился факт ссылки их предка в Новгородскую землю: «Князь Иван Мышецкий сослан в Новгород 6996 году, а вотчину великий князь взял на себя»³⁶. Сыновья князя И. Мышецкого в действительности получили поместья в первые годы XVI в. Указанная дата была заимствована из летописного текста о выводе из Новгорода «многих бояр и житых людей» и об испомещении московских детей боярских.

Точную дату – 6995 г. имели поддельные «верстальные списки», фигурировавшие в родословном пасквиле на Апрелевых, Нееловых и Гурьевых, не говоря уже о комплексах фальсифицированных жалованных грамот³⁷.

Трудно сказать, откуда в Поганой книге появилась дата 6991 (1483 г.). Под близким 6992 г. в ряде летописей присутствует рассказ о поимании Иваном III больших новгородских бояр. Характерно, что этот

---

³⁵ Архив СПбИИ РАН. Русская секция. Оп. 1. Кол. 1. Кн. 14. Л. 4; НПК. Т. 4. Ст. 146, 152–158, 168, 182, 188–190; НПК. СПб., 1905. Т. 5. Ст. 62–64, 67, 69; ТКДТ. С. 91. К. В. Базилевич на основании этого известия рассматривал Терпигоревых как послужильцев (*Базилевич К. В.* Новгородские помещики. С. 80).

³⁶ *Мятлев И. В.* Князья Мышецкие // Известия русского генеалогического общества. СПб., 1911. Вып. 4. С. 95.

³⁷ *Баранов К. В.* Легенды XVII в. о родопроисхождении новгородцев Апрелевых, Нееловых и Гурьевых // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма (Чтения памяти В. Б. Кобрин): тез. докладов и сообщений. С. 33–35.

рассказ предварялся известием о рождении у великого князя дочери Елены, датированным, как и в Поганой книге 6 апрелям³⁸.

Переход в число холопов, или даже вольных слуг бояр, имел личный характер и не отражался на судьбах родственников. Скудость источников в большинстве случаев не дает возможности проследить генеалогические связи послужильцев, ставших помещиками в Новгородской земле. Только в случае Г. Ф. Белосельского удастся точно установить его происхождение. Этот «человек» И. И. Салтыка Травина принадлежал к роду князей Белозерских и был отмечен в официальной родословной росписи. Его близкие родственники князя И. Ф. Шарап, В. и В. Слиток И. Белосельские получили где-то на рубеже столетий поместья в Шелонской пятине. Различия в размерах поместий (а у Г. Ф. Белосельского оно было значительно больше) говорит о том, что их появление здесь не было связано с раздачей земель бывшим послужильцам³⁹.

В тексте писцовой книги Д. В. Китаева В., А., С. и И. Жуковы Нелединские, равно как и сам Иван Жук с сыновьями, не были отнесены к послужильцам. В этом случае, однако, сведения Поганой книги о принадлежности И. Жука, А. и С. Жуковых к группе «Шереметевских» являются, скорее всего, достоверными. В писцовой книге Водской пятины конца 30-х гг. XVI в. «Ширеметевским» был обозначен Мошка Семенов Нелединский, сын С. Жукова. Поместье С. Жукова Нелединского примыкало к землям других «Шереметевских». Владения А. Посохнова, кроме В. и А. Жуковых Нелединских, перешли в руки других представителей этой группы – С. М. Мустафе Татьянину, его сыну и зятям Ф. М. Нестерову Досадину и И. Г. Кошкару Амиреву⁴⁰.

В случае Г. Ф. Белосельского, И. Жука и С. Жукова Нелединских до нашего времени сохранились только окончания описаний их поместий. Это совпадение могло быть не случайным. Их потомки и родственники были заинтересованы в уничтожении компрометирующей информации. Обвинения в порче документов (хотя и безосновательно) звучали в уже упомянутом споре С. Кашкарова и С. Муравьева «тое де

---

³⁸ ПСРЛ. М., 1994. Т. 39. С. 163. Стилистика и титулование великого князя в этом источнике близки к «Книге степенной царского родословия» и могли быть обращены к князю Ивану Калите. Именно он князь Иван **Данилович Московский**, «великим Новым градом и Псковом обладая» (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21. Первая половина. С. 318).

³⁹ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... М., 1787. Ч. 2. С. 163. «Быть на поместье въ Нове городе»; *Грязнов А. Л.* Генеалогия князей Белосельских в XV – начале XVII в. // Управление социально-экономическим развитием территорий: оперативное реагирование на текущие и стратегические вызовы. Вологда, 2017. С. 15–30. Его сыновья в писцовой книге конца 30-х гг. были записаны без княжеского титула, который фиксируется только у его внуков, Г. и В. Н. Белосельских в начале 1550-х гг. *Бенцианов М. М.* «Княжеский элемент» в новгородской поместной корпорации на рубеже XV–XVI вв. // ИИС. Великий Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 111–112.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17145. Л. 160 об.; НПК. Т. 3. Ст. 638, 681, 691, 892–893.

писцовую книгу Дмитрея Китаева он, Семен Муравьев, стакався с новгородскими подьячими с Иваном Темировым да с Андреем Ивановым» драли и портили»⁴¹.

Нелединские были ветвью размножившегося рода бежецких вотчинников. Помимо Жуковых в Новгородской земле, в том числе, в Водской пятине, эта фамилия была представлена еще несколькими семьями. Их появление здесь произошло в разное время и было обусловлено разными обстоятельствами. Некоторые из них, очевидно, находились на службе у князя Андрея Углицкого, которому принадлежал Бежецкий Верх⁴². Характерно, что часть выморочного поместья В. Жукова Нелединского досталась его однофамильцу Ноздре Нелединскому и 6 его сыновьям.

На основании приведенных данных видно, что расширять круг возможных послужильцев на основании созвучия фамилий или даже определенного родства с ними является недостаточно убедительным. Неоднократно было замечено, что многие послужильцы были выходцами из фамилий детей боярских. К «служилым землевладельцам» принадлежали Татьянины⁴³, Шамшovy⁴⁴, Ачкасовы⁴⁵, Хомутовы⁴⁶. Носители этих фамилий встречались среди послужильцев, а также были представлены среди новгородских помещиков без определения их принадлежности к бывшим «людям» московских бояр.

Среди «Тучковских» выходцами из среды мелких землевладельцев были также, вероятно, Рахмановы и Печенеговы⁴⁷. Для Албычевых вероятно суздальское происхождение, которое можно увязать с вотчи-

---

⁴¹ Баранов К. В. Новые сведения... С. 94.

⁴² Некоторые Нелединские оставили новгородские поместья и вернулись на удельную службу после передачи Бежецкого уезда в удел князя Семена Калужского. В 1493 г. на службе у князя Василия Верейского в Литве находился И. Головин Нелединский.

⁴³ Владели вотчинами в Дмитровском уезде. АСЭИ. Т. 1. № 437. С. 327, № 511. С. 388; Акты Русского государства 1505–1526 гг. (далее – АРГ). М., 1975. № 71. С. 76, № 74. С. 78.

⁴⁴ Известны их вотчины во Владимирском уезде. Кустерев С. Н. Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI – начала XVII века // РД. М., 2000. Вып. 6. С. 101, 121–122.

⁴⁵ АСЭИ. Т. 1. № 167. С. 122. К. Ачкасов был писцом грамоты у костромского вотчинника Т. А. Синего (АСЭИ. Т. 1. № 483. С. 365). Новгородский помещик П. А. Лобан Ачкасов упоминался в завещании его сына, Д. Т. Синего. (АРГ. № 65. С. 70). В Костромском уезде существовало сельцо Ачкасово.

⁴⁶ АРГ. № 201. С. 204. Митя Хомутов в 1503 г. упоминается как помещик в Рузском уезде. (ДДГ. № 96. С. 398). Возможно, Хомутовы были старыми вотчинниками и в Переславском уезде (Алексеев Ю. Г. Аграрная... С. 211).

⁴⁷ И. Рахманов держал в середине XV в. сельцо Поемесье в Костромском уезде, впоследствии ставшее вотчиной его «господина». З. Г. Печенегов известен здесь же как муж на суде. (АСЭИ. Т. 1. № 540. С. 419, АСЭИ. Т. 3. № 48. С. 70).

нами князей Ряполовских в этом уезде⁴⁸. В Бежецком уезде кроме Нелединских известны были Досадины, однофамильцы Ф. М. Досадина «Шереметевского»⁴⁹. Выходцами из служилой фамилии были «люди» князя И. Ю. Патрикеева Палицыны⁵⁰.

Неоднократно поднимаемый вопрос о характере службы послужилцев также не может считаться окончательно решенным. Высказанное К. В. Базилевичем мнение, поддержанное другими исследователями, о несвободном статусе «людей», выглядит излишне категоричным. Можно согласиться с М. Е. Бычковой, которая вслед за рядом дореволюционных историков относила их к лично свободным «феодалам» на частной службе. В источниках встречались примеры обозначения этих общим термином вполне полноценных детей боярских, находившихся на частной службе. В 1543 г. состоялся суд по спору между Спасо-Преображенским ярославским монастырем и И. Г. Толочановым с Б. Кубасовым. Оба ответчика выступали в качестве «княж Ивановых людей Федоровича Мстиславского». В ходе судебного разбирательства оказалось, что они были детьми боярскими, в службе у этого служилого князя. В качестве доказательства своих прав они ссылались на жалованные грамоты. В поданной судьям жалованной грамоте И. Г. Толочанов прямо был назван сыном боярским, с правом «боярского» суда⁵¹.

«Из Стародуба Глинского люди» участвовали в 1549 г. в походе на Казань. Сам князь М. Л. Глинский, которому принадлежал когда-то Стародуб-Ряполовский, скончался еще в 1536 г., так что в этом случае речь определенно не могла идти о его холопах⁵².

То, что «людьми» могли именоваться не только вассалы служилых князей, но и слуги лиц более низкого ранга, доказывает пример А. И. Горбатого. В 1535 г. этот «человек», по терминологии составителей посольской книги, взятого в литовский плен князя Ф. В. Телепнева Оболенского был послан в Москву «о своих потребах». Сам он, однако,

---

⁴⁸ Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и в библиотеках. СПб., 1895. Вып. 1. С. 3. «Суздальцем» был также Поздей Артемьев (Губачевский) (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17145 Л. 110; Записная книга крепостным актам XV–XVII вв., явленных в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. СПб., 1898. Ст. 37).

⁴⁹ В 1554/55 г. Молчан Досадин был губным старостой в Бежецком уезде. (Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1860. Т. 1. № 70. Ст. 150).

⁵⁰ АСЭИ. Т. 1. № 382. С. 278, № 471. С. 357; АРГ. № 166. С. 159, № 179. С. 175. И. Л. Палицын был среди детей боярских в свите великой княжны Елены в 1495 г.

⁵¹ Базилевич К. В. Новгородские помещики. С. 66–69; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 167; Антонов А. В. Ярославские монастыри и церкви в документах XVI – начала XVII века // РД. М., 1999. Вып. 5. С. 16–26.

⁵² Курбатов О. А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цели реформ царского войска // Единорогъ. Материалы по военной истории эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009. Вып. 1. С. 226; Зимин А. А. Формирование... С. 142–143. «Людьми» Глинского признавались, в частности, дети боярские Щукины.

в письмах к другим князьям Оболенским именовал себя уже «слугой» князя Ф. В. Оболенского и просил их позаботиться не только о своей матери и братьях, но и о своих «людишках». Своим братьям он давал наставления: «Велели бы есте хлеб пахати и тым сыти быти». М. М. Кром обратил внимание, что у А. И. Горбатого были денежные счета со слугой князя И. Ф. Овчины Телепнева Оболенского Иваном Тарасовым, «княжим боярином». В посольской книге этот И. Тарасов фигурировал уже как «человек» князя И. Ф. Телепнева. «Люди мои вольные и кабальные» упоминались в завещании И. Ю. Шигоны Поджоги⁵³.

В разбойном нападении на земли Спасо-Евфимьева монастыря участвовал в 1519 г. «человек» М. Судимантова Нечай Станиславов. Из допросов монастырских крестьян выяснилось, что у него, в свою очередь, был свой «человек» Истомка, также отметившийся в разбое. Примечательно, но в 1529 г. упомянутый Нечай Станиславов был уже спасским слугой⁵⁴.

Подобные факты можно обнаружить и применительно к бывшим послужильцам, получившим поместья в Новгородской земле. До нашего времени дошла недатированная полная грамота на покупку холопа Останей, дьяком «Василия Борисовича». Эта грамота сохранилась в фамильном архиве Редровых, так что упомянутого Останю можно убедительно отождествить с Остафием Дементьевым Редровым, помещиком Водской пятины конца XV в., «Васильевским человеком Борисовича Тучкова». Упомянутая грамота могла быть составлена только в момент его нахождения на службе у этого боярина (подчеркивается выполнение им обязанностей дьяка). Ее архаичный формуляр совпадает с формуляром докладной грамоты князю С. И. Ряполовскому, составленной в Суздале где-то в 1470-е гг.⁵⁵, включая фразу «продалися (в грамоте О. Редрова – «продалась». – М. Б.) по своей воле без пристава. И послуши в полной писаны («и послуши писаны»)»⁵⁶. Существование этой грамоты доказывает наличие собственных холопов у некоторых «людей» московских вельмож до перехода на великокняжескую службу.

---

⁵³ Сборник русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 14–17; *Кром М. М.* Стародубская война. 1534–1537. Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. С. 126–136; *Маштафаров А. В.* Духовная Ивана Юрьевича Поджоги 1541 года // РД. Вып. 1. М., 1997. С. 37; *Кром М. М.* Частная служба в России XVI в. // Русское средневековье. С. 429–430.

⁵⁴ Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998. № 17. С. 43, № 27. С. 57; *Кольчева Е. И.* Холопство и крепостничество (конец XV–XVI в.). М., 1971. С. 68. Впрочем, «человеком» владел также Митя Лаптев, холоп великой княгини.

⁵⁵ До 1485 г., когда началось датирование полных грамот. См.: *Кустерев С. Н.* Полная грамота Ивана Михайловича Дубенского // РД. Вып. 1. С. 11.

⁵⁶ АСЭИ. Т. 3. № 406. С. 419, № 409. С. 421; Писцовые книги Водской пятины 1500–1501 гг. // Временник общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 11. Ч. 2. С. 4.

С другой стороны «холопский», несвободный статус некоторых из послужильцев прямо подтверждается упоминанием их имен в завещаниях И. И. Салтыка Травина, князя И. Ю. Патрикеева, а также определением «холопов брат» в случае с С. В. Ватазиным.

Группы послужильцев, скорее всего, имели достаточно продолжительную историю и могли быть сформированы за несколько лет до момента их испомещения. Факт их упоминания с точки зрения логики составителей писцовых книг представлял собой избыточную информацию. Принадлежность к числу послужильцев, за исключением ивангородцев, не отражалась на предоставляемых им поместных окладах, они обладали статусом полноценных детей боярских.

В этом случае, по-видимому, имела место служба по имевшим длительное бытование специальным спискам. Как уже было отмечено, списки «Глинского людей» сохранялись в 1549 г. спустя 13 лет после смерти самого князя М. Л. Глинского. В подобных списках вполне обоснованным был пропуск имен некоторых младших родственников. Подобное предположение объясняет расхождения данных писцовых книг, когда близкие родственники могли быть отнесены или не отнесены к группам послужильцев. Родными братьями были В. Голова и Ф. Неклюд И. Подушкины, «Васильевские Борисовича Тучкова», а также их сосед К. И. Подушкин. Ф. Неклюду и К. И. Подушкиным достались земли одних и тех же прежних владельцев – Ф. и С. Мануйловых⁵⁷. Братом И. Большого и И. Пестрого В. Хомутовых «Васильевских Борисова» был Н. Хомутов, который фигурировал в писцовой книге без этого определения. Как и в предыдущем примере, им принадлежали смежные поместья⁵⁸. Очевидно, что как Подушкины, так и Хомутовы были пожалованы поместьями в одно и то же время.

Сын Я. Певцова «Ивановского Руновского» Тимофей в писцовой книге Бежецкой пятины также фигурировал без этого определения⁵⁹.

Продолжительное существование подобных групп лучше всего демонстрируется на примере «людей» новгородских бояр. Многие ивангородцы потеряли прежних господ еще в конце 1470-х – начале 1480-х гг. Как отдельная категория служилых людей они появились не ранее сооружения Ивангорода (1492 г.), а, скорее, уже после разорения этого города шведами в 1497 г. Писцовое описание Водской пятины, составленное несколько лет спустя после этого события, фиксирует неразвитость их поместного землевладения, обилие совместных неразделенных участков. Для всех ивангородцев были характерны небольшие

---

⁵⁷ НПК. Т. 2. Ст. 113–116, 158–163, 175–178.

⁵⁸ Писцовые книги Водской пятины 1500–1501 гг. Кн. 11. Ч. 2. С. 324–335. Н. В. Хомутов не был учтен среди послужильцев и в Поганой книге.

⁵⁹ ПКНЗ. Т. 1. С. 215–216, 224.

размеры поместий, в среднем по 5 обож, что свидетельствует о одновременности произведенных раздач⁶⁰.

Они, вероятно, попадали на великокняжескую службу сразу после «поимания» новгородских бояр и долгое время служили по особым спискам без земельных наделов. Люди Б. В. Есипова К. Максимов и С. Борисов упоминались как слободчики в Бежецкой пятине. Удастся отождествить и некоторых других слободчиков. И. Быков Олферов принадлежал к числу «Васильевских Кузьмина», а В. Баламут – к «Лукинским Федорова». Эти слободки появились до момента писцового описания Бежецкой пятины. Некоторые из них были описаны еще по «старому письму»⁶¹.

В отличие от ивангородцев, другие «люди» новгородских бояр были испомещены в более раннее время. В платежной книге Бежецкой пятины встречается Я. Бунков, «Ивановской человек Лошинского». Ему принадлежало внушительное поместье размером в 61 обжу, которое резко контрастировало с владениями других «людей» И. Лошинского, вошедших в число ивангородцев. И. Есипову с тремя сыновьями принадлежало 8 обож, М. И. Кузьмину – 5 обож, а Д. Федкову – 4⁶².

Менее определена ситуация с «Васильевскими Микитина» и «Ивановскими Петрова». В исторической науке их прежние владельцы априори относятся к представителям новгородского боярства. В первом случае ни одного из прежних новгородских землевладельцев не удается однозначно отождествить с упомянутым Василием Никитиным⁶³. Его «люди» Г. Воронцов, М. Я. Гаврилов⁶⁴ и Нечай Савин Кривой Перепечин получили поместья на территории Бежецкой пятины⁶⁵.

Наиболее подходящей кандидатурой на роль патрона «Ивановских Петрова» выглядит боярин И. П. Чашников, хотя не исключены и чисто «московские» варианты, например, И. П. Челяднин. И. П. Чашников, как и некоторые другие представители его семьи, находился на владычной службе⁶⁶.

Больше всего представителей этой группы было испомещено в Деревской пятине, где их поместья были размещены двумя крупными

---

⁶⁰ *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля. С. 328.

⁶¹ ПКНЗ. Т. 1. С. 153, 173, 214–215; НПК. Т. 3. Ст. 567, 931; НПК. Т. 6. Ст. 173, 214, 355.

⁶² ПКНЗ. Т. 1. С. 225. Несколько Бунковых, его вероятных родственников, были помещиками Бежецкой пятины в конце 30–х гг. XVI в. (НПК. Т. 6. Ст. 505–506). В качестве «придачи» И. И. Ширш Бунков с детьми получили бывшие земли И. И. Лошинского. НПК. Т. 3. Ст. 825–826, 853.

⁶³ В. Н. Белый, В. Н. Буборков, В. Н. Лугожский и В. Н. Шапкин принадлежали к числу мелких новгородских землевладельцев.

⁶⁴ Его потомки усвоили фамилию Яковлевы.

⁶⁵ ПКНЗ. Т. 1. С. 233, 234.

⁶⁶ В писцовых книгах встречается Г. Петров «владычень». Оба они, вероятно, были сыновьями Петра Клементьева, владычного чашника.

массивами: в Вельевском погосте поместья достались Ф. Шимухле и И. Г. Шенуру Кудрину⁶⁷, а в волости Велила – еще восьмерым лицам: В. С. Кривому Дымову, Г. И. Угриму Сьянову, И. Пуляю и И. В. Связевым, И. Кривому и Н. П. Хариним, Истоме Г. Кудрину, а также В. Скулею Булгакову. Обращает внимание не только компактность их размещения но и, в ряде случаев, общий характер землевладения. В придачу к поместьям в волости Велила братьям Хариним и В. Скулею Булгакову принадлежала волость В. Я. Плотцова в Налесском погосте, «вопче». Некоторые из этих поместий отличались крупными размерами. Н. П. Харину, например, досталось «по старому» 46 обож⁶⁸.

Более разобщенными были «люди» И. Петрова в Бежецкой пятине. Всего здесь было отмечено 3 таких поместья: С. И. Лутовинина, Д. Матина с сыновьями⁶⁹ и В. Перфурова⁷⁰.

Для «людей» представителей московской аристократии служба великому князю до момента передачи им новгородских поместий могла происходить и за пределами Новгородской земли. Во второй половине 1480-х гг. в Костроме были составлены две кабальные грамоты с участием И. В. Пестрого Хомутова, А. и Русина М. Тырковых. При том же наместнике Василии Федоровиче (Образце или Сабурове) полную грамоту оформил М. Тырков⁷¹. И. В. Пестрый Хомутов и Русин Тырков, а также братья последнего Василий, Иван и Григорий, принадлежали к числу «Тучковских».

За исключением «людей» князей И. Ю. Патрикеева и С. И. Ряполовского, для остальных послужильцев представителей московской аристократии время их испомещения приходится определять на основании косвенных данных. В новгородских писцовых книгах встречается категория «новосведенные бояре», земли которых были отписаны на великого князя, видимо, после проведения «старого письма», завершившегося в конце 1480-х – начале 1490-х гг. Примерно с этого же времени для поместных раздач стали характерны кратные раздачи, ориентированные на десятичное деление. Поместья могли передаваться отдельным лицам или целым группам, что при отрывочности данных писцовых книг и отсутствии понимания границ этих групп, существенно ограничивает возможности использования этого критерия при определении хронологии поместных раздач. Еще одним признаком недавнего испомещения выступает совместный характер владений, хотя в этом

---

⁶⁷ Не назван «Ивановским Петрова».

⁶⁸ НПК. Т. 1. Ст. 238–245; НПК. Т. 2. Ст. 745–779.

⁶⁹ Ему вместе с сыновьями по «новому» письму принадлежало кратное поместье в 100 обож.

⁷⁰ ПКНЗ. Т. 1. С. 223, 226.

⁷¹ АСЭИ. Т. 3. № 413. С. 423 (с датировкой 1480–1495 гг.), № 416. С. 424. Оба Василия Федоровича во второй половине 1480-х гг. присутствовали на суде у князя Ивана Молодого в Костромском уезде (АСЭИ. Т. 1. № 524–525. С. 402, 404).

случае он мог быть также следствием передачи того или иного поместья по наследству, от отца к его сыновьям⁷².

Анализ землевладения «Тучковских» свидетельствует о том, что их поместья не могли быть сформированы ранее конца 1480-х гг. И. Большой и И. В. Пестрый Хомутовы владели совместным поместьем в двух погостах Водской пятины. Совместным было также поместье Г. и Русина М. Тырковых. Описание поместья В. Д. Шадрина было сделано после «служилых людей» (подключника и подьячего). Поместье В. И. Ляпуна Рахманова в полном объеме и большая часть поместья М. Н. Кашкина были сформированы из владений «новосведенных» В. Есипова и М. Секирина⁷³. В большинстве случаев «Тучковские» были размещены компактными группами, что косвенно свидетельствует об одновременности их испомещения, без учета прежней владельческой принадлежности пожалованных им земель. Кратным был размер поместий Хомутовых, составлявший «по старому» 105 беж. Кратные поместья принадлежали и другим «Тучковским»: В. Д. Шадрину – 15 беж, Ф. Д. Баткову Коню Шадрину – 20, С. К. Печенегову – 25. Размеры их поместий составляли кратные 20 беж. В Деревской пятине братьям Ф. Неклюду и К. И. Подушкиным досталось по 20 беж «по старому письму».

Среди «Шереметевских» Л., Г. и И. Федосовы, а также их зять И. Кононов распоряжались землями, которые когда-то принадлежали «новосведенному» Л. И. Федотину. Два больших поместья Федосовых и Татьянинных не были разделены между отдельными помещиками. Здесь также присутствовали кратные оклады. С. Жукову Нелединскому, например, принадлежало поместье размером в 20 беж⁷⁴.

«Человек» князя Я. В. Оболенского Ф. А. Песенка распоряжался кратным поместьем в 25 беж⁷⁵. Основную часть владений К. В. Ватазина, «Семеновского человека Брюхова» составили владения «новосведенного» М. Карповского⁷⁶.

«Новосведенные» были прежними владельцами в поместьях Н. Савинова Савлукова «Салтыковского» (Я. Р. Боецкий) и А. Г. Бокаря Мечнянинова «Ощеринского» (Д. Нерадов). В обеих этих группах встречались кратные оклады: И. Чернышу Уварову Санину принадлежало 20 беж, И. Отрасле и его сыну Ветке «Салтыковским» – 30, а

---

⁷² Бенцианов М. М. Формирование поместной системы. С. 38–47.

⁷³ НПК. Т. 3. Ст. 436, 675, 937; Писцовые книги Водской пятины 1500–1501 гг. Кн. 11. Ч. 2. С. 322, 324. Зрелый возраст братьев Хомутовых исключает вариант получения ими этого поместья по наследству.

⁷⁴ НПК. Т. 3. Ст. 537, 569, 901.

⁷⁵ НПК. Т. 3. Ст. 756.

⁷⁶ НПК. Т. 1. Ст. 124–127.

А. Г. Бокарю Мечнянинову – 15. Единственный послужилец М. Я. Русалки Б. Борыков владел поместьем размером в 35 обеж⁷⁷.

Клан Дмитриевых, включающий М. и И. Пестриков, а также А. Татарина и Ф. Тонкого «Пестриковых братьев» и Н. Лопотова «Пестрикова зятя», был испомещен двумя большими группами в Деревской пятине. Общее количество земли, принадлежавшей представителям этой семьи, составляло кратное число – 105 обеж⁷⁸.

В ряде случаев во время писцового описания поместья послужильцев разной владельческой принадлежности описывались после земель основной массы детей боярских, что, возможно, объяснялось более поздними пожалованиями⁷⁹.

Вполне вероятно, что основные перечисленные группы получили свои поместья примерно в одно и то же время. К. В. Базилевич обратил внимание на компактность их размещения в Водской пятине, в пограничных районах «на немецком рубеже»⁸⁰. При существовании значительного фонда оброчных земель, резервов для будущих поместных раздач, подобная особенность, вряд ли, была случайной. В 1492 г. был построен Ивангород. Годом позже был подписан русско-датский договор «О дружественном и вечном союзе». В преддверии начавшейся несколько лет спустя войны со Швецией, а затем и с Ливонским Орденом, оба эти события имели вполне определенный смысл, обозначая амбиции Ивана III в прибалтийском вопросе.

Очень вероятно, что появление в приграничных районах нескольких десятков новых помещиков находилось в этом ряду. Подобным образом и с теми же целями позднее здесь были наделены поместьями ивангородцы. Если это предположение является верным, то раздача поместий основной массы послужильцев может быть приурочена к первой половине 1490-х годов.

Одновременное испомещение, соседство земель и близость статуса приводили к сохранению связей между послужильцами и их потомками спустя десятилетия после их появления в Новгородской земле. В 1512 г. была составлена рядная грамота И. Г. Кошкара Амирева. Его зятем стал Ворыпай А. Одинцов, сын «Тучковского». Послухом и писцом грамоты выступали его родственники А. С. и В. Мустофины. В 1534 г. свидетелями завещания того же И. Г. Амирева были М. Малыш и Г. Ягнышев Барановы, сыновья «Тучковских», а сам документ был написан В. Ф. Досадиным, сыном «Шереметевского». Зятем Поздея

⁷⁷ Отрывки писцовой книги Водской пятины 1504–1505 гг. С. 91; НПК. Т. 3. Ст. 750, 836; Писцовые книги Водской пятины 1500–1501 гг. Кн. 11. Ч. 2. С. 176; Кн. 12. С. 102.

⁷⁸ НПК. Т. 1. С. 187–193, 869–874.

⁷⁹ В Каргальском, Ильинском Заможском, Кипенском, Спасском Зарецком, Ястребинском Никольском, Григорьевском Лъешском, Егорьевском Радчинском, Городенском, Введенском Дудоровском, Васильевском Ровдужском погостах.

⁸⁰ Базилевич К. В. Новгородские помещики. С. 73–74.

А. Губачевского, «княж Семеновского Ряполовского» позднее стал А. Воряпаев Одинцов, сын «Салтыковского»⁸¹.

Эти связи, безусловно, не следует преувеличивать. Получив поместья на равных условиях с другими детьми боярскими, бывшие послужильцы и их потомки быстро растворились в общей массе служилых людей, хотя и довольствовались здесь довольно скромными достижениями. Продвижение некоторых из них по служебной лестнице связано было с событиями второй половины XVI в.: формированием «выбора», причиной и активным участием новгородцев в Ливонской войне.

Расцвет местничества и его распространение среди городского дворянства во второй половине XVII в. привели к поиску источников, которые способны были бы дискредитировать возможных противников. Повышенный интерес к теме новгородских послужильцев, перешедший затем в плоскость исторических исследований, был обусловлен длительным сохранением в делопроизводственном обороте исходного источника – писцовой книги Водской пятины Д. В. Китаева.

Испомещения лиц «подлого» по позднейшим родословным меркам происхождения происходили и на других территориях Русского государства. Характерен в этом отношении пример Каширского уезда. В конце XV в. поместьем селом «на Безпуте на Иванкове», а также владениями Пилюгино и Сидоровское здесь владел неоднократно упоминаемый князь И. Ю. Патрикеев. В Беспутском стане позднее фиксируются поместья лиц, связанных по своему происхождению с «людьми» из Духовной грамоты этого вельможи. Такая связь прослеживается между Иваном и Федором Трубниками Андреевыми Хинского и каширскими помещиками Хинскими. Третьяк, Богдан и Тропа Федоровы Хинские фигурировали в десятне 1556 г. Писцовая книга конца 70-х гг. знает сына Третьяка – Василия Третьякова Трубникова Хинского. Еще одному помещику – Дорше Хинскому, принадлежала деревня Трубниково. Сыном Орефы Дмитриева Родичева был Семен Орефов Родвучев, встречавшийся в десятне 1556 г. Ключниками князя И. Ю. Патрикеева «на Безпуте» были Г. и А. Страховы. Позднее семья Страховых известна среди каширских детей боярских. К числу потомков «людей» князя И. Ю. Патрикеева, скорее всего, принадлежали также Архаровы и Пещеревы.

Как и в Новгородской земле, потомки этих «людей» в дальнейшем заняли скромные места в структуре каширской корпорации. Большинство из них довольствовалось поместными окладами в 100 четвертей, никто из них не вошел в число дворовых детей боярских⁸².

---

⁸¹ Записная книга крепостным актам. Ст. 37–39, 88–89.

⁸² *Бенцианов М. М.* Каширская десятня 1556 г. и проблема формирования «служилого города» // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2013. Вып. 10. С. 111–112.

Стоит добавить, что память об испомещении в Каширском уезде бывших послужильцев сохранялась в XVII в. В местническом справочнике упоминалась, например, служба в 1492 г. Чеглока Лихорева по кабальному холопству у некоего князя М. Реткинского, с последующим верстанием по Кашире⁸³.

Приведенные примеры свидетельствуют о достаточно широком бытовании практики раздачи земель бывшим послужильцам на рубеже XV–XVI столетий.

Проникновение в ряды детей боярских выходцев из более низких прослоек служилых людей продолжалось и в последующие десятилетия. В 1550-е гг. в той же Новгородской земле в состав детей боярских были переведены бывшие дворцовые слуги. Сытнику Смирному Кудрявцеву «велели службу служить с ноугородцкими помещики». Та же участь постигла сушильных ключников Б. и А. Т. Ржаниковых, а также житничего ключника В. Б. Ежова. Выписки из десятини переславцев 1573 г. доказывают, что подобная практика имела распространение и в центральных уездах страны. Некоторые дети боярские «были у государя в сытниках, а из сытников онои отставлены. А велено им с переславцы служба служить»⁸⁴.

Большое количество примеров такого рода «верстаний» относилось к последней четверти XVI в. и в последующем XVII в. и получило распространение на южной окраине Русского государства. При невысоком уровне развития сословной и корпоративной культуры эти случаи не вызвали видимого сопротивления со стороны дворянских сообществ – служилых городов.

Проблема возникала в документальном подтверждении прецедентов такого рода в местнических (статусных) столкновениях. Служилые люди нередко, и, зачастую, справедливо обвиняли друг друга в низком происхождении. Такого рода обвинения, не будучи подкреплены достоверными источниками, не находили поддержки со стороны судей, участвующих в разборах дел о «порухе» чести. Сохранившаяся подлинная писцовая книга Водской пятины, подтверждающая факт испомещения здесь нескольких десятков «людей» московских и новгородских бояр, потомки которых влились в состав дворянского сообщества, в этом отношении имела исключительное значение. Сделанная из нее выписка стала основой для последующих более широких обобщений, приведших к созданию Поганой книги с пресловутым указом о роспуске боярских дворов 1483 г.

---

⁸³ Местнический справочник XVII века / изд. Ю. В. Татищев. Вильно, 1903. С. 17. Реткинские известны как вотчинники Волоцкого уезда.

⁸⁴ Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1. Ст. 87–88; НПК. Т. 6. Ст. 559–560; РГАДА. Ф. 388. Оп. 1. № 843. Л. 55.

М. Е. Бычкова справедливо отметила, что самые ранние списки этого источника были созданы не ранее 40-х гг. XVII в. Различия редакций отдельных списков свидетельствуют о том, что выписки из писцовой книги Д. В. Китаева делались неоднократно на протяжении второй половины этого столетия⁸⁵.

Комплекс источников более раннего времени свидетельствуют об отсутствии подобных компрометирующих сведений о новгородцах, потомках послужильцев московских и новгородских бояр. Некоторые из них получали разрядные назначения без противодействия со стороны представителей более «честных» фамилий. Показателен в этом отношении пример князя М. В. Белосельского вероятного потомка уже названного Г. Ф. Белосельского конца XV столетия. В 1610 г. он был воеводой в Торжке, а в 1632 г. отметился в качестве воеводы в Смоленском походе⁸⁶. В опричнину продвинулись по службе Бастановы. В 1579–1580 гг. И. Бастанов был одним из воевод в Полчеве. Головами в полках из фамилий, фигурировавших в Поганой книге, были также И. Я. Норовов, А. И. Хомутов⁸⁷.

«Открытие» факта существования среди новгородских помещиков потомков холопов удачно наслоилось на имевшую место обособленность новгородской корпорации. Желание представителей московских аристократических фамилий отмежеваться от захудалых новгородских родственников получило в этом случае дополнительные аргументы и, в свою очередь, породило новые историко-генеалогические пасквили (как, например, уже упомянутую легенду о происхождении Апрелевых, Нееловых и Гурьевых), отразившиеся на общей репутации новгородского «города» в глазах дворянского сообщества.

---

⁸⁵ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России... С. 158–164.

⁸⁶ Грязнов А. Л. Генеалогия князей Белосельских. С. 21.

⁸⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 1–2. С. 30, 52, 457; М., 1984. Т. 3. Ч. 1. С. 41.